

УДК 821.161.1

© **Коробкова Татьяна Васильевна (2018)**, магистр гуманитарных наук, старший преподаватель, кафедра русской филологии и межкультурной коммуникации, Актобинский региональный государственный университет им. К. Жубанова (Актобе, Казахстан), korobkovavasya@mail.ru.

Ирония как прием сатиры В. А. Пьецуха в цикле «Плагиат»

Аннотация. Рассматриваются вопросы истории изучения иронии как тропа, ее классификации. Поднимается вопрос о том, что ирония в настоящее время рассматривается шире, чем риторический и стилистический прием, она становится средством передачи мировоззрения и мировосприятия писателей. Обосновывается принадлежность российского писателя В. А. Пьецуха к направлению «иронический реализм». Уделяется особое внимание способам создания иронии В. А. Пьецухом в цикле «Плагиат». Анализируются примеры, создающие ироничное полотно цикла. Представлены результаты сплошной выборки иронизмов из текста «Плагиата». Предпринята попытка систематизировать примеры иронии писателя и классифицировать их. Доказывается, что В. А. Пьецух использует как общепринятые, так и индивидуально-авторские способы создания иронии как приема сатиры в цикле «Плагиат».

Ключевые слова: ирония; иронизмы; «иронический реализм»; художественный метод; парадокс.

© **Korobkova Tatyana V. (2018)**, master of arts, senior lecturer, the chair of Russian Philology and intercultural communication, Aktobe regional state University K. Zhubanova (Aktobe, Kazakhstan), korobkovavasya@mail.ru.

Irony as a Technique of Satire in a Series of "Plagiarism" by V. A. Piezugh

Abstract. The author describes the history of the study of irony as the trail classification. The question is raised that irony is now considered

more than a rhetorical and stylistic device, it becomes a means of conveying the worldview itself and the worldview of writers. The author proves the identity of the Russian writer V. A. Piezugh to the direction of the "ironic realism". Special attention is paid to the ways of creating irony by V. A. Piezugh in a series of "Plagiarism". The examples creating an ironic canvas of the cycle are analyzed. The author presents the results of continuous sampling of the ironisms loanwords from the text "Plagiarism". An attempt is made to systematize the examples of the writer's irony and classify them. It is proved that V. A. Piezugh uses both standard and individual author's ways of creating irony as a method of satire in the loop of "Plagiarism".

Key words: irony; ironisms; ironic realism; artistic method; paradox.

Ирония как художественный прием широко используется писателями в литературе и публицистике. Посредством иронии автор выражает свое отношение к описываемым явлениям, оценивает их. Ирония свойственна творчеству Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова, Н. А. Тэффи, И. Ильфа и Е. Петрова, А. Т. Аверченко, М. М. Зощенко, М. А. Булгакова, В. Войновича и других писателей.

Общепринято под иронией (от др-греч. *eironia* — притворство) понимать скрытую насмешку, созданную путем иносказания. Но в последнее время появились работы ученых, в которых ирония рассматривается шире. Так, Ю. М. Скребнев определяет иронию как «троп, заключающийся в употреблении наименования (или целого высказывания) в смысле, прямо противоположном буквальному; перенос по контрасту, по полярности семантики» [Скребнев, 2003, 159]. Истинный смысл авторского высказывания при этом скрыт, ставится под сомнение или противоположен явному значению. Ирония — это мягкий юмор, высмеивающий некую проблему.

Исторические корни иронии уходят в античность. «Ироником» в Древней Греции называлось лицо, «обманывающее с помощью слов». К таковым, в частности, относился Сократ, использовавший иронию в своих речах для разоблачения самомнения софистов. Искусство иронии оттачивалось в античной комедии, яркими представителями которой были Аристофан, Кратин, Менандр, Филемон, Дефил, Плавт, Теренций и другие писатели. На протяжении многих веков ирония как прием сатиры развивалась в народной смеховой культуре.

В настоящее время ирония как художественный прием довольно глубоко изучена в работах М. М. Бахтина, А. Ф. Лосева, В. Я. Проппа, Ю. Б. Бо-

рева, Н. Я. Берковского, Э. С. Афанасьева, В. В. Ванслова, И. Славова и других исследователей. Феномен иронии рассматривается учеными в разных аспектах (историческом, функциональном, в структуре комического и т. д.), предлагаются разнообразные классификации иронических приемов. Попытка систематизировать иронизмы, предпринята О. П. Ермаковой в монографии «Ирония и её роль в жизни языка» [Ермакова, 2005].

«Писатели активно пользуются приёмом иронической маски. Поскольку ирония — это мистификация, притворство, иронизирующий, как правило, временно надевает на себя маску», — пишет М. А. Пчелинцева [Пчелинцева, 2010]. Она выделяет маску сочувствующего, маску наивного и доверчивого человека, маску восторженного человека, маску подлого человека, маску самоуверенного человека [Там же].

В современных художественных текстах ирония, трансформируясь, приобретая новые формы, остается многофункциональной. В настоящее время ирония выходит за рамки только риторического и стилистического приемов, становясь средством передачи мировоззрения и мировосприятия писателей, способом привлечения к проблемам нашего мира.

Одним из ярких современных писателей, иронично изображающих российскую действительность, является В. А. Пьецух. Многие литературоведы причисляют его творчество к постмодернизму, «другой прозе», «новой волне» или «ироническому авангарду». Сам же автор, называя себя «жизненным писателем», предпочитает для определения стиля своих произведений термин «иронический реализм». Право на причисление себя к плеяде авторов указанного направления ему дают глубокое знание русского человека, национального характера, абсурдности жизни «русака» (термин Пьецуха). «В. Пьецух ставит своей целью не изображение реального мира и социального конфликта в нем, а передачу впечатлений, субъективное восприятие окружающего мира. Цель иронии В. Пьецуха — показать отсутствие серьезности и какого-либо особого смысла в онтологической парадигме, будь то человеческое бытие или мироздание вообще» [Лихина, 2013, с. 54].

При помощи иронии В. А. Пьецух рисует парадоксальность русской жизни, противоречивость черт национального характера. Обращаясь к творческому наследию великих классиков, писатель в цикле «Плагиат» стремится возродить интерес и любовь к классической литературе, вернуть утраченные культурные и духовные ценности.

Говоря о художественном методе В. А. Пьецуха, Е. Сидоров отмечает: «Он выработал литературное поведение, опираясь на классическую сте-

зю русского писательства, взыскующего правды о своем народе и говорящего эту добытую правду ему в лицо. Причем делая это весело и горько, с юмором и печалью, с той мерой стилистического озорства, которая не шокирует и не портит общей, весьма серьезной картины» [Сидоров].

Ирония В. А. Пьецуха строится на игре с текстом-прецедентом, его узнавании, на снижении пафосности, соединении несоединимого, синтезе высокой и просторечной лексики, ироническом контрасте, использовании стилистических приемов писателей-предшественников. По-доброму иронизируя, писатель пытается понять, «отчего мы такие бедные, неопрятные, беспутные, позаброшенные?» [Пьецух, 1995, с. 3].

Одним из приемов иронии В. А. Пьецуха является создание несколько абсурдных образов «чудиков». Например, в рассказе «Крыжовник» проснувшийся герой видит мужика «такого дикого вида, что Саше захотелось снова закрыть глаза» [Пьецух, 2006, с. 54]. Словосочетанием «дикий вид» автор дает возможность каждому читателю представить образ «чудика». В следующих предложениях дается портрет бича, жадно смотревшего на авоську Петушкова, из которой «торчала полбутылки питьевого спирта»: «пожилой приземистый человек с несоразмерно большой головой, загоревший до почернения...» [Там же]. Совершенно неожиданная встреча для комсомольского проверяющего из Москвы.

Использование образа «чудика» наблюдается и в рассказе «Наш человек в футляре». Серпеев, любящий детей и тонко чувствующий литературу, в присутствии проверяющей самовольно меняет «глупую плановую тему» и знакомит школьников с творчеством «малых поэтов 19 века». Понимая, неизбежность наказания, он все же не желает приспособливаться: «Серпеев был не такой человек, чтобы немедленно перестроиться, да и не желал он перестраиваться на виду у целого класса» [Там же, с. 46]. Проверяющая, распекая Серпеева, предположила, что он «чутьочку не в себе» и «в заключение твердо сказала, что в школе ему не место» [Там же].

Выйдя из школы, герой сталкивается с пьяным учителем рисования. Описание его нелепого внешнего вида («с настоящей алебардой и слепым голубем на плече» [Там же]), не может не вызвать улыбку. В. А. Пьецух как бы сталкивает два образа. Получается, что тонко чувствующий, ранимый Серпеев «не в себе», потому что учит детей прекрасному, а учитель рисования нормален даже в таком виде.

Отмечая особенности творческой манеры В. А. Пьецуха, Т. Н. Маркова пишет: «...абсурд для писателя не просто художественный прием, а некая константа, неизменная, характерная черта российской действи-

тельности. Алогичны взаимоотношения человека и среды, нелеп и сам человек, привыкший воспринимать бытовой хаос как единственно возможную форму своего существования» [Маркова].

Довольно часто в цикле ирония строится на парадоксе. Так, в рассказе «Детство» автор пишет: «Что там ни говори, а за последние пятьдесят лет русский люд сказочно разбогател, но в том-то опять же и заключается загадка вообще загадочной нашей жизни, что и в Европе мы, как и прежде, беднее всех» [Пьецух, 2006, с. 8]. Под маской иронии скрывается недоумение и переживание за свой народ.

Подобное же наблюдается в «Новейшей истории города Глупова», когда районный уполномоченный рапортует градоначальнику о том, что после выявления ста двадцати кулаков, «враждебного элемента» в деревне стало меньше, потому что крестьяне вынуждены платить налоги на все кроме лебеды. Но народ парадоксально негибает: «кажется, остается только головой в воду, а они [*крестьяне*] песню поют» [Там же, с. 120].

В. А. Пьецух — писатель, совершенно лишенный парадного пафоса, лжепатриотизма. Высмеивая парадоксы русской жизни, он глубоко тревожится за участь Родины. Ирония, построенная на снижении пафосности, звучит в перечислении тем, на которые ведут разговоры бичи из рассказа «Крыжовник»: «То они разбирали достоинства и недостатки парламентской республики, то рассуждали о спутниках-шпионах, то спорили о жизни и смерти как о взаимоисключающих составных» [Там же, с. 56]. Темы, достойные дискуссии в политических, философских, богословских кругах, автор доверяет ягодинским бичам, алкоголикам и мелким воришкам. Таким образом пафосность тем снижается аудиторией, в которой они обсуждаются.

Зачастую ирония в цикле «Плагиат» создается путем разрушения стереотипов, рожденных идеологией СССР. Для Саши Петушкова («Крыжовник»), комсомольского работника, приехавшего с инспекцией в Магадан и после попойки со старателями оказавшегося в компании бичей, знакомство с бывшим бендеровцем «было ... так же дико и невероятно, как если бы речь шла об Илье Муромце или сподвижнике Спартака» [Там же, с. 55]. Он очень удивлен тем, что бывший бендерец Хитрован — обычный человек, «только одетый в грязные обноски и с колтунами в волосах» [Там же]. Чтобы усилить иронию, В. А. Пьецух добавляет, что внешне также мог выглядеть и постовой милиционер, и старший продавец, то есть представители разных социальных слоев.

Также с иронией В. А. Пьецух разрушает стереотипное представление о городе Магадане, «который в нашей национальной традиции овеян легендами о бешеных деньгах, критической плотности уголовного элемента на квадратный километр площади, диких загулах золотодобытчиков, японской контрабанде и гибельных лагерях» [Там же, с. 53]. Оказывается, Магадан — обычный город, автор иронично подмечает, что в нем, как и в десятках советских городов в качестве обязательных элементов «и проспект Ленина на месте, и телевышка торчит, где положено...» [Там же].

В роли иронизмов в цикле могут выступать и имена героев. Так, нелепо-смешно звучат на Колыме имена Карл и Фридрих, особенно если учитывать, что Карл — бич («Крыжовник»). В. А. Пьецух высмеивает чрезмерный фанатизм, присущий многим коммунистам: «— Батя у нас был сильно партийный — чего уж тут не понять!» [Там же, с. 55].

Ирония в цикле «Плагият» частотна в форме отрицательной характеристики чего-кого-либо глазами человека, не воспринимаемого всерьез. Ярким примером служит понимание советской действительности бабкой Софьей, свихнувшейся, как пишет В. А. Пьецух, после революции из-за различных сокращений слов и аббревиатур («Д.Б.С.»). Но на самом деле «ее сознание одеревенело» после того, как она столкнулась с ужасами новой власти: «... в городе то трупы висели на фонарях, то в пользу мировой революции шли официальные грабежи, то дворянство выгоняли на расчистку панелей, то из картинной галереи делали лазарет...» [Там же, с. 48]. Далее ирония автора набирает силу, так как взгляды бабки Софьи во многом совпадали с мнением большей части советского населения: «индустриализацию она восприняла как знамение скорого конца света, директора парфюмерной фабрики, на которой проработала двадцать лет, называла “хозяином” и демонстративно кланялась ему в пояс...» [Там же].

В качестве способа создания иронии В. А. Пьецух активно использует неожиданность или несоответствие описанного действия и его последствий. Например, совершенно непредсказуемо пробуждение после попойки комсомольского «проверяющего» Саши Петушкова («Крыжовник»): «Очнулся он в Ягодном, чуть ли не в пятидесяти километрах от Магадана, на автобусной остановке, без бумажника и часов, но зато с авоськой в руках, из которой торчала огромная горбуша, полбутылки питьевого спирта...» [Там же, с. 54].

Подобный же прием используется в рассказе «Демонстрация возможностей», в котором речь идет о пенсионере Лютикове, бывшем инженере, всю жизнь мечтавшем купить подержанный автомобиль. Покупка маши-

ны не приносит радости герою: он врезается в «роллс-ройс», и у него забирают «Жигули» в счет ущерба. При этом Лютикова «несильно ударили монтировкой по голове» [Там же, с. 42]. Иронию создает сама ситуация, так как железным предметом, каковым является монтировка, в принципе невозможно ударить несильно. «Несильно» в данном случае приравнивается к «не убили».

Ироничные замечания автора в ходе повествования заставляют читателей обратить внимание на описываемую сцену. Например, вышеупомянутый Лютиков полон сомнений в правильности приобретения: боится, что его обманули или он попадет в аварию. В. А. Пьецух усмехается: «Как в воду глядел Юрий Петрович» [Там же], и дальнейшие события уже предугадываются в ироничном пьецуховском восклицании.

Для достижения иронического эффекта в цикле используются с негативной окраской слова из официального языка, обозначающие представителей власти предержажших: «... впоследствии из комсомольских вожаков вышли многие заводчики, банкиры и видные деятели демократического крыла» («Юность и так далее») [Там же, с. 18]. Одной фразой В. А. Пьецух рисует быстро подстроившихся, «перекрасившихся» в 90-е годы бывших социалистических руководителей. Новое время и взгляды, а они все равно стоят у власти.

Осмеянию в цикле подвергается и вся система власти Советов, особенно ярко это проявляется в повести «Новейшая история города Глупова». Например, надумавший сотворить чудо Милославский заставляет строить красильную фабрику в кратчайшие сроки. Иронично рассказывается о «совершении трудовых подвигов» в годы советской власти: «он [*инженер Болтиков*] в два дня выстроил на руинах фарфорового завода красильную фабрику. При этом было поставлено три мировых рекорда: естественно, по темпу работ, по числу живой силы, занятой на строительстве, и по уровню производственного травматизма» [Там же, с. 114].

Следующим приемом пьецуховской иронии является своеобразное перефразирование высказываний литературных классиков. Например, во всеми узнаваемый чеховский афоризм писатель вносит нарочитую приниженность, используя просторечные слова («Отрочество»): «В человеке все должно быть прекрасно: и *прикид*», и мысли, и *физиономия*, и душа» (курсив наш. — Т. К.) [Там же, с. 18]. Следует отметить, что заменяет автор только слова, связанные с материальным миром, а вот понятия духовного состояния человека оставляет в прежнем виде, как бы демонстрируя извечную в них потребность Человека.

В. А. Пьецух не только видоизменяет слова в фразе, но и дополняет, своеобразно развивает ее. Так, рассуждая об отрицании каждым поколением предыдущего («Отрочество»), автор приводит слова М. Ф. Достоевского: «человек есть существо двуногое и неблагодарное». Предполагая, что все же будущее поколение вернется к «романтическому императиву» и тогда «к чему эти треволнения», писатель делает свой вывод: «нужно было написать — двуногое, неблагодарное и *дурак*» [Там же].

В «Плагияте» иронический эффект также достигается путем перефразирования известных лозунгов и цитат. Так, в «Новейшей истории города Глупова» на замечание баллотирующегося в председатели городского Совета Милославского о том, что строители каланчи желают получать питание, не работая, кто-то из народа замечает, что «мы и работаем — не едим, и не работаем — тоже самое не едим» [Там же, с. 113]. Довольно тонко автор подмечает бедственное положение рабочих, получивших «свободу» после революции.

Так же в «Новейшей истории города Глупова», переиначивая известную фразу: «Пролетариату нечего терять кроме своих цепей», писателем создается новый афоризм, высмеивающий грабительскую «генеральную линию» новой власти, направленную на изъятие продуктов питания у крестьян: «покуда у хлебобоба есть еще что-то кроме цепей, в лучезарное завтра он нам с тобой не попутчик...» [Там же, с. 120].

Условно разделив иронию В. А. Пьецуха, использованную в «Плагияте», на авторскую и от лица героев, можно прийти к выводу о том, что данному циклу в большей степени присуща авторская ирония, которая выражается в комментариях, восклицаниях, риторических вопросах и т. д. Особенно широко использована авторская ирония в трилогии «Баллада о блудном сыне», так как она носит автобиографический характер и полна воспоминаний и рассуждений писателя. Например, автор вспоминает, какой восторг у его сверстников вызвала в 1961 году денежная реформа, после которой все стало стоить на первый взгляд дешевле. Но В. А. Пьецух тут же иронично добавляет, что с высоты своего сегодняшнего возраста понимает «людоедскую направленность русского государства» [Там же, с. 9].

Примеры иронии от лица героев в цикле также встречаются. Оказавшийся в компании бичей, постоянно находящийся под воздействием плодово-ягодного вина, Саша Петушков приходит к выводу, что Горьким не зря был воспет босяк Челкаш, что «он превознес свободного человека, не знающего обывательских страхов и предрассудков, презирающего

материальные блага жизни и отрицающего общественную мораль» [Там же, с. 56].

В заключении отметим, что иронические приемы В. А. Пьецуха отличаются необычайным разнообразием, индивидуально-авторскими находками, посредством которых во многом создается сатирическое полотно цикла «Плагиат».

Источники

1. *Пьецух В.* Способность к неспособности, или Сумасшествие как выход из положения / В. А. Пьецух // Культура. — 8 апреля 1995.
2. *Пьецух В. А.* Плагиат. Вячеслав Алексеевич Пьецух / В. А. Пьецух. — Москва : НЦ ЭНАС, 2006. — 304 с.

Литература

1. *Ермакова О. П.* Ирония и её роль в жизни языка / О. П. Ермакова. — Калуга : Издательство КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. — 204 с.
2. *Лихина Н. Е.* Иронический дискурс творчества В. Пьецуха [Электронный ресурс] / Н. Е. Лихина // Слово.ру : Балтийский акцент. — 2013. — № 4. — С. 53—61.
3. *Маркова Т. Н.* В. М. Шукшин в восприятии Вяч. Пьецуха [Электронный ресурс] / Т. Н. Маркова. — Режим доступа : <http://www.psibook.com/literatura/v-m-shukshin>.
4. *Пчелинцева М. А.* Ирония как форма языковой оценки в творчестве русских писателей-эмигрантов [Электронный ресурс] / М. А. Пчелинцева // Современные проблемы науки и образования. — 2010. — № 6. — Режим доступа : <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=4564>.
5. *Сидоров Е.* Рассуждение о писателе В. Пьецухе / Е. Сидоров. — Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znami/2007/6/si>.
6. *Скребнев Ю. М.* Ирония / Ю. М. Скребнев // Русский язык : Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 2003. — 703 с.